

И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка.
Морфология. Часть I, Йошкар-Ола 1964. 203 стр.

Марийскому языку принадлежит существенная роль в выяснении исторической фонетики финно-угорских языков, но до сих пор не разработана историческая фонетика марийского языка на материале диалектов. Тем большее внимание привлекает работа И. С. Галкина, в которой делается попытка дать исторический обзор словоизменения в марийском языке, обходя вопросы исторической фонетики. Конечно, книга задумана как учебное пособие для студентов Марийского государственного педагогического института и в задачу автора основательное и полное освещение вопроса не входит.

Работа состоит из введения и семи глав, в которых соответственно рассматриваются: имя существительное, местоимение, имя прилагательное, имя числительное, глагол, союзы и частицы. Во введении дан краткий обзор диалектного деления языка и изученности его.

Не передавая содержание книги, знакомство с которой необходимо для исследователей морфологии марийского и других родственных языков, остановимся лишь на некоторых спорных и ошибочных положениях. И прежде всего необходимо вместе с автором подчеркнуть, что в марийском языке четыре основных наречия: луговое, восточное, горное и северо-западное. Не следует путать их с двумя литературными нормами.

Рассматриваемое на стр. 21—22 окончание латива *-ке ~ -ко ~ -кõ ~ -кы ~ -кы* автор считает произошедшим из древнего окончания латива **-k* (стр. 56), но не объясняет происхождения гласного.

На стр. 23 говорится, что *-ан* имеет внешнеместное значение с оттенком какому-нибудь направления. Сказанное иллюстрирует пример *ончылан* 'вперед', ср. *ончыл* 'перед'. Далее утверждается, что нельзя сказать *устелан* 'в столе, в стол', а можно лишь *устелеш* 'в столе'. Хотя утверждение само по себе верно, сравнение не подходит. Нужно иметь в виду, что наречие в финно-угорских языках

склоняется, но не совсем так, как существительное. В данном случае *ончылан* — наречие (хотя *ончыл* — существительное), а *устелеш* — имя существительное; что касается оттенка направления, то если он вообще есть, то уже в корне слова. В книге отсутствует глава о наречиях.

На стр. 24 марийское падежное окончание *-ч* отождествляется с окончанием финно-угорского праязыка **-t(a)*, которое автор называет окончанием аблатива. Учитывая, что в прибалтийско-финских и венгерском языках аблативом назван падеж со сложным суффиксом, можно было бы принять название, введенное Б. Коллиндером, *separativ*.

На стр. 40 И. С. Галкин доказывает происхождение генитива из притяжательных прилагательных. Первый аргумент: в некоторых диалектах генитив до сих пор употребляется как именная часть составного сказуемого. Например: *Могай устел?* — *Тумын* 'Какой стол? — *Дубовый*'. В ответе пропущена связка *улеш* 'есть'. Второй аргумент: в определенных случаях слова в генитиве могут дополнительно приобретать окончания других падежей. Например: *Леведышым пörтын мардеж сумырен* 'Ветер унес крышу дома', где, по И. С. Галкину, *пörтын* стоит в генитиве, а *-ым* — окончание аккузатива. Теория, поддерживаемая автором, может быть, и правильна, но аргументы не корректны. Первый объясняется смешением понятий определения и прилагательного (под влиянием перевода на русский язык). Второй аргумент связан с произошедшим позже согласованием определения с определяемым словом; в финно-угорском праязыке этого согласования, очевидно, не было.

Утверждение о наличии в древнемарийском языке неформленного винительного падежа (стр. 45—46) означает смешение понятий аккузатива и дополнения. Однако эта ошибка уже стала традиционной как для марийских, так и для грамматик финского языка.

В связи со сравнением марийского

вокатива с древнепермской формой на *ö* (*e*) (стр. 58), которую В. И. Лыткин посчитал вокативом, нужно отметить, что оно неверно, так как В. И. Лыткин не учел, что этот «вокатив» тождественен с именем существительным, к которому присоединяется притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа.¹ Сущность коми вокатива правильно объяснил Ф. И. Видеман еще в 1884 году.

Разбирая притяжательные суффиксы, И. С. Галкин восстанавливает первоначальную форму суффиксов 1-го и 2-го лица соответственно как **-me* и **-te* (стр. 75—76). Марийский же, как и большинство финно-угорских языков, не дает оснований предполагать здесь **e* или какой-нибудь другой гласный. Очевидно, автор поддался влиянию реконструкций местоименных корней, о чем ниже.

И. С. Галкин утверждает, что гласный *e* в словах с основой на *e* после полной редукции конечного гласного притяжательного суффикса (ср. реконструкции **-me* и **-te*) перешел в суффикс (стр. 74), что иллюстрируется словом *киде+м* 'моя рука', где *e* на деле — вспомогательный гласный. Почему же не называть этот гласный всегда его настоящим именем? Или автор берет пример с исследованной по пермским языкам, в которых вспомогательный гласный еще не признан?

Позднедревнемарийскими формами местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа автор считает **mine*, **tine*, которые в свою очередь развились из более древних форм **menä*, **tenä* (стр. 86). В последних *e* совершенно напрасно заимствовано из описания Д. В. Бубрихом исторической морфологии финского языка, где реконструкции Д. В. Бубриха в отношении *e* и переднего вокализма не корректны. Соответствующие местоимения множественного числа в рецензируемой работе реконструированы как **mäk*, **täk* (стр. 86), где **k* — признак множественного числа. Марийский язык (как впрочем и пермские) не дает основания для выделения этого признака в отношении местоимений. Предположение *ä* также ведет к затруднению: как объяснить раз-

ницу в вокализме между единственным и множественным числом?

Встречающиеся в отдельных говорах личные местоимения *нõмна* 'мы', *тõмда* 'вы', *мәнмән* 'наш', *тәндән* 'ваш' автор разбирает по примеру мансийского языка как двойственные (стр. 86—89), что рискованно, если вообще не фантастично. Скорее мы имеем дело здесь с редупликацией корня, при этом положение И. С. Галкина о метатезе согласных может быть верным. Между прочим, и местоимения других марийских наречий могут быть возведены к формам **m—n*, **t—n*, где *n* — совсем не обязательно признак множественного числа или коллективности, а основа или корень могут и не содержать гласного. Последнее положение находится в соответствии с данными мордовских языков.

Рассмотрение имен прилагательных в работе сводится к разбору сравнительной степени. Однако исследование степеней прилагательных в марийском и других финно-угорских языках никак не относится к морфологии, а входит в учение о словообразовании.

В разделе об именах числительных неправильно реконструированы для финно-угорского праязыка: *икте* 'один', *нылыт* 'четыре' и *визыт* 'пять' (стр. 99—102). В связи с предположением И. С. Галкина о том, что в числительных *иктыт* 'один', *коктыт* 'два', *кумыт* 'три' и т. д. $t < *nt < *mt$ (стр. 99—108), небезынтересно вспомнить вод. *келмед* 'три'; сохранение конечного *e* ~ *ε* в вепском числительном *kouite* ~ *kouite* и т. д. также свидетельствует о том, что там был какой-нибудь согласный, возможно, что это был **d < *t*. Эти прибалтийско-финские примеры ставят под сомнение правильность предположения И. С. Галкина.

Образование порядковых числительных, о чем автор пишет на стр. 106—109, опять же относится к учению о словообразовании. Здесь же необходимо заметить, что предположение автора о заимствовании словообразовательного суффикса чувашских порядковых числительных *-таś(ə)* из марийского языка слишком смело. Ведь в старобулгарском языке было два словообразовательных суффикса порядковых числительных — *-т* и *-лś* (арабское

¹ A.-R. La pp, *Mõnda komi keele substantiivide deminutiivisufiksitest*. — ESA 11 1965, стр. 245—249.

написание не дает возможности точно выяснить вокализм последнего). Хотя второй из них и можно легко объединить с тюркскими словообразовательными суффиксами *-snčs ~ -snčš*, во-первых, возможно, что *m* и *n* в старобулгарских словообразовательных суффиксах тождественны (можно поднять вопрос также об общем источнике финно-угорского **-mt* и тюркского *-snčs ~ -snčš*), во-вторых, может быть, *š* в суффиксе *-mš* присоединилось к суффиксу *-m* по аналогии из другого словообразовательного суффикса. Третья возможность — отвергнутое И. С. Галкиным красивое объяснение Н. Ашмарина, по которому к древнему *m*-овому порядковому числительному присоединился притяжательный суффикс 3-го лица. Как видно, вторая и третья возможности не исключают первой. Что касается сравнения марийских словообразовательных суффиксов *-мше ~ -мшо* со словообразовательными суффиксами в финских словах *wasemelle* (у Агрикола) 'налево', *ensimmäinen ~ ensimmäinen* 'первый', саамском слове *nuorramiś* 'моложе' и др., то оно неудачно. Может ввести в заблуждение и замечание автора о том, что среди *m*-овых слов в некоторых родственных языках есть и числительные (стр. 107): слово, обозначающее числительное «первый» в прибалтийско-финских языках (как и во многих других), первоначально не числительное.

В связи с гипотезой И. С. Галкина о происхождении двух спряжений марийского языка хотелось бы знать, какую роль в происхождении первого спряжения играли истинные основы на *e*, какую — мнимые, на вспомогательный гласный.

Несомненно ошибочно положение И. С. Галкина о том, что в финском языке повелительное наклонение в единственном числе не имеет никакого показателя (стр. 138), но ср. *sanokoon* 'он пусть скажет', *tulkoon* 'он пусть придет'. Здесь автор недостаточно ясно выразил свои мысли. Там же: *annas* встречается лишь в хэваском диалекте ижорского языка (и еще в восточно-водском), в южноэстон-

ском оно не встречается, вместо него — *айна?*

Странно, что И. С. Галкин не решается назвать марийские отрицательные глаголы глаголами: «Мы их назовем лишь отрицанием» (стр. 153).

На стр. 163 вызывает удивление утверждение о том, что «в прибалтийско-финских ... языках нет причастий с *š*-овым суффиксом, но там имеется *š*-овый показатель прошедшего времени, ср. эст. *kandsin* 'я нес'». Во-первых, по традиции считают, что *kandsin* < *hakkasin* < **hakkadin*, где *δ* принадлежит основе (в правильности этого принятого положения можно сомневаться: можно предположить, что показатель прошедшего времени *si ~ zi ~ z ~ iz* также происходит из **j*, как *i* в слове *hakkasin*). Единственный приемлемый пример — признак прошедшего времени в отрицательных глаголах который встречается в эстонских диалектах; его можно учитывать лишь при условии, что традиционное объяснение показателя прошедшего времени таких слов, как *kandsin* и др., верно. (То, что прошедшее время отрицательного глагола в кодавереском говоре эстонского языка удивительно похоже на прошедшее время мордовских отрицательных глаголов, еще более слабый аргумент). Во-вторых, прибалтийско-финские языки не дают никакого основания утверждать, что у прошедшего времени эстонских отрицательных глаголов **š*-овый показатель, а не **s*-овый.

В разборе частиц отсутствует усиленная частица *-ke*, которая должна быть в слове *шке* 'сам', ср. стр. 94 и 185.

Так как книга предназначена для будущих преподавателей школ, хотелось бы, чтобы в ней была более продуманная подача авторских имен. Инициалы встречаются иногда перед фамилией, иногда — после, иногда вообще отсутствуют. Так, на стр. 63 один раз — Пенгитов Н. Т., другой — Н. Т. Пенгитов. На стр. 4, выражая благодарность своему учителю профессору П. Аристэ, автор добавил инициал несуществующего имени. Хотелось бы видеть более корректную систему сносок. Названия собственных статей на эстонском языке (в «*Emakeele Seltsi Aastaraamat*») в списке использованной литературы даны по-русски и переведено даже название издания «*Emakeele Seltsi*

² См. G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre (= MSFOu 104:2), Helsinki 1952, стр. 109: древнетюркское, уйгурское *ekinti ~ ikinti*, где *-nti* < **-mdi*.

Aastaraamat» (стр. 194). Среди многих фактических и типографских ошибок бросается в глаза последовательное написание *Tallinn* с одним *n* (в эстонском тексте). Здесь же нужно исправить замечание автора (стр. 6) о том, что эстонская письменность существует с XVII века; правильно: с первой половины XVI века.

В итоге нужно сказать, что И. С. Галкин сделал попытку представить по возможности все относящиеся к морфологии марийского языка факты и опубликованные мнения о них. В то же время автор приводит множество собственных положений, наиболее пространные и ценные из которых относятся к глаголу. Здесь нужно отметить, что И. С. Галкин, очевидно, — и если да, то правильно — заметил, что в марийском языке отсутствует категория залога, во всяком случае рецензируемая книга ее не рассматривает. Основной недостаток работы — слабость ее историко-фонетического аспекта, что обусловлено, с одной стороны, отсутствием соответствующих обобщающих трудов, а с другой — недостаточным знанием исторической фонетики финно-

угорских и уральских языков. Тем большую досаду вызывают игнорирование книги Б. Коллиндера «Comparative Grammar of the Uralic Languages», о существовании которой автору известно (см. стр. 15 и 198), а также безоговорочное обращение к реконструкциям Д. В. Бубриха, несколько устаревшим, и ориентированным на пермские языки работам В. И. Лыткина, которые мало подходят для приложения к марийскому языку. Очевидно, это завышенное требование — ждать от автора, кроме глубокой разработки вопросов морфологии марийского языка, еще и подробных данных исторической фонетики, требующих детального предварительного исследования.

Книга И. С. Галкина — значительный шаг вперед как в марийском, так и в финно-угорском языкознании в целом. Похвально, что и наиболее удачные мысли автора не облечены в форму непреложных истин — он каждый раз объективно отмечает пробелы и еще не решенные проблемы.

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Тарту)

М. Е. Евсевьев, Избранные труды I—V, Саранск 1961—1966.

Мордовское книжное издательство выпустило в свет пятитомное собрание «Избранных трудов» выдающегося мордовского ученого — просветителя конца XIX—начала XX века — М. Е. Евсевьева (т. I, Саранск 1961, 384 стр.; т. II, 1963, 528 стр.; т. III, 1964, 411 стр.; т. IV, 1963, 470 стр.; т. V, 1966, 550 стр.). Издание подготовлено Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР и Центральным государственным архивом Мордовской АССР. В составлении, подготовке текстов, примечаний, комментариев принимали участие В. И. Беззубов, И. К. Инжеватов, Л. С. Кавтаськин, В. К. Радаев, М. Н. Коляденков, В. С. Ивашкин, К. А. Котков, А. Б. Кузнецов, Н. Ф. Мокшин.

Публикация «Избранных трудов» М. Е. Евсевьева была продиктована самой жизнью. Дело в том, что многие его труды, изданные в прошлом, стали библиографической редкостью, а некоторые фольклорные произведения, собранные ученым во время экспедиционных поездок, ранее вообще не публиковались. Труды М. Е. Евсевьева пользуются заслуженной популярностью как в нашей стране, так и среди зарубежных финно-угроведов. Они представляют собой значительный вклад в сокровищницу мордовской национальной культуры.

Первый и второй тома содержат народные песни мордвы (эрзянские и мокшанские), собиранию которых М. Е. Евсевьев придавал большое значение. «Великую силу имеет национальная песня, — писал он. — В ней излиты все страдания